

Глава 1

*Поместье Мон-Клэр,
Гэмпшир, 1872 год*

День, когда Пиппа Харгрейв стала графиней Мон-Клэр, ничем не отличался от остальных до тех пор, пока не началась кровавая бойня.

Услышав, что сегодня близнецы Кавендиш раньше обычного закончили занятия в классной комнате, Пиппа стремглав бросилась через все поместье к себе домой. Она знала, что ее друзья выбегут на лужайку и ринутся напрямиком к лабиринту.

Она ворвалась на кухню, и Чарлз Харгрейв, ее отец, поднял глаза от тарелки с куриным салатом.

— Что такое, маленькая? — Весело прищурившись, он приподнялся с места и ласково нажал пальцем в перчатке на кончик ее носа. — Куда так спешишь?

Высокая стройная цыганка, стоявшая у очага рядом с Хетти, матерью Пиппы, добавила в горшок ароматных трав.

— Ты, Пип, и на белый свет явилась второпях! — В устах Сирейны с ее странным выговором (карпатский акцент, так называла его Хетти) домашнее прозвище Пиппы звучало необычно и тепло. — Неудивительно, что ты бегом бежишь по жизни!

Пиппе рассказывали, что своим появлением на свет она обязана Сирейне. Больше десяти лет папа и мама

пытались зачать ребенка — все безуспешно. Но Сирейна дала Хетти какое-то снадобье — и через девять месяцев на свет появилась Пиппа.

Ее отец, дворецкий в поместье Мон-Клэр, одиннадцатью годами старше Хетти, был в том возрасте, когда большинство мужчин становятся уже не отцами, а дедками. Дочь он обожал, ни в чем не ограничивал и, кажется, смотрел на нее как на чудесный, незаслуженный подарок.

— Я ищу Деклана Чандлера! — торопливо сообщила Пиппа. Ей не терпелось выбежать на улицу и продолжить поиски.

— Когда я шла сюда, то, кажется, видела, как он чистил фонтан, — едва заметно подмигнув, подсказала Сирейна.

— О нет! Я должна ему помочь! — драматически всплеснув руками, воскликнула Пиппа. — Он ненавидит чистить фонтан! Он его боится. Только не признается, потому что Деклан такой храбрый! — И со вздохом прикрыла глаза, отдавая должное мужеству Деклана.

— Наша дочурка от него без ума! — проворковала Хетти и погладила Пиппу по щеке, прежде чем передать Сирейне поварешку.

Пиппа наморщила нос. «Без чего?»

— У этого Деклана Чандлера душа тигра, — заметила Сирейна. — А у тебя, Пип, душа дракона.

— Драконов не бывает! — хихикнув, сообщила Пиппа.

— Неужели? — подмигнув, ответила Сирейна. — Мне случалось бывать в таких местах, где с тобой бы не согласились.

— Пап, у тебя есть мятные конфетки? — спросила Пиппа, потянувшись к пальто отца.

Мятные конфетки были любимым лакомством Деклана. После чистки фонтана он всегда бывал бледным и хмурым, а сладости помогали ему приободриться и вы-

зывали улыбку, от которой в животе у Пиппы начинали порхать тысячи бабочек.

— Поищем, поищем... — Чарлз похлопал по одному карману, по другому, и наконец вытащил пригоршню конфет.

Пиппа схватила их, на ходу прикидывая, кому сколько достанется. По одной для Фердинанда, Франчески, для себя... а Деклану — две! Он заслужил.

Чмокнув отца в гладко выбритую щеку, Пиппа вылетела за дверь. Промчалась по узкой аллее, засаженной стройными туями. Каждый шаг сокращал расстояние между ней и мальчишкой, который завладел ее сердцем.

Несколько лет назад, впервые входя в ворота Мон-Клэр, Деклан Чандлер был тощим заморышем, ростом не выше Пиппы. Угрюмым, голодным, замерзшим волчонком.

Ел он за троих — и за эти годы сильно вымахал в длину, раздался в плечах, но остался на удивление стройным.

В последнее время Пиппа потеряла интерес к учебникам, которые одалживала ей Франческа. В часы учебы она витала в облаках, думая о Деклане Чандлере. Вот и сегодня добрую половину учебного часа грызла карандаш и пыталась найти слова, точнее всего описывающие ее чувства.

«Удар молнии». Да, это, пожалуй, точнее всего! Деклан поразил ее, как удар молнии.

Рысью пробежав мимо роскошных утопающих в цветах садов, она углубилась в зеленый лабиринт со скоростью зайца, преследуемого охотниками, пролетела по дороге, которую знала как свои пять пальцев...

Она вылетела на лужайку с фонтаном как раз вовремя, чтобы застать сцену, от которой едва не разорвалось сердце.

Деклан стоял перед фонтаном на коленях. Блестящие капли воды падали ему на руки, стекали по смуглой

коже, задерживаясь в ложбинках совсем недавно появившихся мускулов.

Он напоминал сейчас юного героя, потомка мощных древних богов, чьи мраморные статуи высились по обеим сторонам от фонтана.

А рядом стояла Франческа Кавендиш и протягивала ему мятную конфетку.

Деклан взял конфетку губами. Улыбнулся («Почему ей? Почему не мне?!») так, что сияние этой улыбки едва не затмило полуденное солнце. Сказал что-то, чего Пиппа не расслышала. Подняв руку, осторожно заправил Франческе за ушко выбившуюся прядь огненных волос. А затем поцеловал костяшки ее пальцев с почтением, выходящим далеко за пределы обычного уважения слуги к юной хозяйке дома. С восхищением, уже не невинным...

Заинтересованным.

Безмятежно журчал фонтан. Из рогов сатиров, из уст и корзинок разных богов и богинь извергались прозрачные струи, преломлялись в солнечном свете маленькими радугами и, рассыпаясь сияющими брызгами, падали наземь.

Сердце у Пиппы сжалось так, словно на целую минуту вовсе перестало биться. Ладони покрылись холодным потом. В горле пересохло, живот налился свинцом. Деклан в свои тринадцать казался Пиппе образцом мужской красоты. Теперь она перевела взгляд на Франческу, пытаясь понять, что увидел Деклан в ее подруге. Личико сердечком, тонкие аккуратные черты, точеный носик. Очень стройная — даже для девочки на пороге взросления — и более изящная, чем ждешь от ребенка. Ярко-рыжие волосы, выразительные глаза цвета моря в ненастный день. Скорее серые, но с отсветами зелени и голубизны.

А Пиппа? Скучные белобрысые волосы, круглое лицо — признак детства и хорошего аппетита. Мама го-

ворит, что ее красота в изумрудно-зеленых глазах. Тех, что теперь горели невыплаканными слезами, и горло сжималось от боли, не дающей ни вздохнуть, ни сглотнуть.

Неужто Деклан — ее Деклан — в самом деле влюблен во Франческу Кавендиш, ее лучшую подругу?

Как это возможно? Неужели судьба так к ней жестока? Может ли в целом свете найтись что-то страшнее этой раздирающей боли?

Нет, ответила себе Пиппа. Ничего ужаснее этой муки нет и быть не может.

Как же он не понимает? Ведь они, Деклан и Пиппа, предназначены друг для друга!

Франческа не подходила близко к фонтану — боялась замочить свои изящные туфельки; а Пиппа не раз стояла здесь на коленях бок-о-бок с Декланом, погружая руки по локоть в грязь, чтобы помочь ему скорее закончить работу и пойти играть. Если Деклан мрачнел, Пиппа запускала в него комком сырого мха — и они принимались бросаться друг в друга грязью, смеясь и визжа от восторга, беззаботные и счастливые.

Франческа ни за что не станет бросаться грязью! Ей и нельзя — она ведь будущая леди.

А вот Пиппе не нужно становиться леди. Она станет женщиной. Его женщиной, Деклана. Так она решила давным-давно — и так и будет, что бы там ни говорили родители! Не бывает, просто не бывает на свете, чтобы такая любовь осталась безответной и ненужной!

Боги фонтана этого не допустят...

Но допустили! Вот они, Деклан и Франческа — не сводят друг с друга глаз.

— К нам скачут какие-то всадники! — крикнул Фердинанд, брат-близнец Франчески, со своего дозорного поста на верхушке старого ясеня по ту сторону лабиринта.

Мама рассказывала Пиппе, что Фердинанд родился слабым и долго не мог нормально дышать. И сейчас он

борется с какой-то болезнью под названием астма, поэтому под его бледной кожей просвечивают вены, а губы часто синеют.

И все же Фердинанд — отличный парень! Братьев у Пиппы не было, и он стал ей кем-то вроде брата — товарищем, с которым так здорово отправляться в разные приключения. Однажды он сказал Пиппе: «Когда вырасту, сделаю тебя графиней».

Пиппа от души понадеялась, что это не значило: «Я на тебе женюсь».

Замуж она выйдет, разумеется, за Деклана Чандлера! Какие могут быть сомнения? Она даже научилась подписываться «миссис Чандлер» — и какая красивая выходила подпись!

— Разве мы ждем гостей? — спросила Франческа.

— Это не гости. Их слишком много. — Фердинанд приставил к глазу кулак на манер подзорной трубы. — Человек двадцать!

— Невежливо являться без приглашения, да еще и такой толпой! — очаровательно поджав губки, заметила Франческа. — Миссис Харгрейв не успеет даже бутерброды приготовить на всех.

Переведя взгляд с Франчески на Деклана, Пиппа заметила, что его красивое лицо с резкими, угловатыми чертами омрачилось тревогой.

— Пожалуй, вам с Пип лучше пойти сообщить мистери и миссис Харгрейв, — сказал он, протянув руку и помогая Франческе перелезть через невысокое ограждение вокруг фонтана. — Им виднее, что делать.

— А я побегу этим гостям навстречу! — объявил Фердинанд. Он уже слез с дерева и трусцой направлялся к воротам.

— Не надо, милорд! — Деклан выпустил руку Франчески, подмигнул Пиппе, а затем побежал за будущим графом Мон-Клэр. — Мы же не знаем, кто они!

Несмотря на жгучую боль в сердце, Пиппа взяла Франческу за руку, и они вдвоем направились к дому.

Франческа ни в чем не виновата, думала Пиппа. Она такая милая! Всегда думает о других, старается сделать как лучше. Вежливая, милая. Настоящая леди. У нее есть все, чего нет у Пиппы.

Но если это нужно Деклану...

Несколько минут они бежали молча, и наконец Пиппа не удержалась от вопроса:

— Ты... ты влюблена в мистера Чандлера?

— Что? — Франческа рассмеялась — словно колокольчик прозвенел в чистом весеннем воздухе.

— А он, кажется, тебя любит, — пробормотала Пиппа себе под нос.

— Ну... может быть, немножко. Он такой красивый, правда? — Франческа крепче сжала ее руку. — Но не беспокойся, я с ним связываться не собираюсь!

— Почему это? — Как ни смешно, Пиппа почувствовала необходимость защитить Деклана. — Чем он тебе нехорош?

Франческа замедлила шаг, заставив притормозить и Пиппу, повернулась и взглянула ей в глаза:

— Потому что я люблю тебя, Пип. И никогда тебя не предаю.

Пиппа бросилась к ней и сжала в объятиях.

— Я тоже тебя люблю! — со вздохом облегчения выдохнула она.

— И потом, папа не позволит мне выйти замуж ни за кого, чей статус ниже виконта, — со вздохом добавила Франческа. Джордж Кавендиш, граф Мон-Клэр, к вопросам родовитости и чистоты крови относился очень серьезно.

Пиппа взглянула на Франческу через плечо. Девочки уже выбежали на открытый склон холма, на вершине которого стоял особняк; отсюда были хорошо видны нехва-

ные гости. Вон они, скачут галопом, низко пригнувшись над гривами лошадей — все в темном, лица неразличимы...

Или закрыты масками?

Фердинанд, приветственно махая руками, бежал им навстречу. Всего в нескольких ярдах от всадников остановился, закашлялся и, как видно, слишком устал и решил подождать на месте.

Не замедляя шага, всадники мчались прямо на него. Тяжело, безжалостно ударялись о землю и вздымали облачка пыли конские копыта. Все ближе, ближе...

Что?! Нет! Не могут же они...

Словно оцепенев, Пиппа ждала, когда же всадники остановятся.

Вот сейчас!.. Вот-вот!.. Ведь Фердинанд прямо перед ними! Неужели они не видят? Уже совсем...

А в следующий миг с криком отвернулась и зажмурила глаза, не в силах поверить в то, чему только что стала свидетельницей.

Они его убили!.. Оцепенение и неверие сменилось парализующим ужасом. Эти незнакомцы растоптали Фердинанда — и даже не замедлили шаг!

Значит, они с Франческой следующие.

— Бежим! — выдохнула Пиппа, схватив Франческу за руку и устремившись к дому. — Не оглядывайся! — Она не хотела, чтобы подруга видела этот кошмар — изломанное, растоптанное тело брата.

Сама Пиппа успела это увидеть — и знала, что никогда не забудет.

Промчавшись по траве, они влетели в открытые двери кухни в тот самый миг, когда бандиты в черных масках, разделившись на четыре группы, принялись окружать особняк со всех сторон.

— Фердинанд!.. — отчаянно закричала Пиппа, когда мать подхватила их с Франческой в объятия. — Они... там... на лошадях!

Рыдания сжимали ей горло; невозможно было ни говорить, ни даже дышать. Немыслимо. Невыносимо. Что происходит? Кто мог сотворить такое зверство?

— Отдышись и расскажи, что случилось, — ласковым, успокаивающим тоном ответила Хетти. — Сирейна куда-то вышла, а твой отец пошел посмотреть, что происходит. Все лакеи с ним, так что...

В этот миг входная дверь распахнулась, ударившись о стену; со звоном вылетело вставленное в нее стекло. Несколько бандитов с закрытыми лицами ввалились внутрь.

— Тут только баба и девчонки! — объявил один, с красным шарфом вместо маски. Говорил он с густым выговором кокни.

— Нам приказано свидетелей не оставлять, — откликнулся другой, покрупнее и с американским акцентом. Похоже, он был здесь главным.

Выхватив из-за пояса нож — крупнее, чем нож мясника! — бандит двинулся к ним. По пути отшвырнул, словно соломинку, массивный стол.

Хетти толкнула обеих девочек себе за спину, схватила со стойки тесак для рубки мяса.

— Не трогайте детей! — крикнула она, наставив на него тесак, словно указующий перст. — Мы ничего не видели. Мы тихо уйдем, и вы никогда больше о нас не услышите. Только не трогайте девочек!

— Беда в том, — протянул из-под холщовой маски американец, — что эта девчонка нам и нужна!

И указал своим лезвием на Франческу. Та в ужасе взвизгнула; из-под пышной юбки потекла и забрызгала туфельки струйка мочи.

Отчаянным рывком Хетти толкнула обеих девочек прочь от себя, через порог двери, ведущей в людскую.

— Бегите из дома! Делайте что угодно, только постарайтесь выжить! — С этими словами она захлопнула за ними дверь и задвинула засов.

Теперь Пиппа спасалась не только от убийц: она бежала от яростных, звериных криков матери, борющейся за жизнь дочери, и от душераздирающего вопля, подсклавшего ей, что Хетти проиграла бой.

Слезы застилали ей глаза, когда Пиппа, спотыкаясь и едва не падая, карабкалась вверх по черной лестнице. Дверь на первом этаже вела в маленькую комнатку: здесь стояла печь, обогревавшая весь дом. Деклан показывал, как попасть отсюда в сарай для угля, а оттуда выбраться наружу. Скорее всего, этот путь свободен. Если удастся выбраться из дома — дальше, если повезет, они смогут незамеченными перебежать поле и спрятаться в лесу.

Там будет легче скрыться. Дети из поместья Мон-Клэр все свое детство провели в лесу: бродили по нехоженным тропинкам, прятались меж исполинских корней, лазили на деревья, представляя себя героями увлекательных историй.

Первый этаж встретил их воплями и запахом крови. Пиппа бежала вперед, крепко, до боли, сжимая в руке потную ладонь Франчески.

В мозгу и в сердце бились, горели, пронзали невыносимой болью и придавали сил последние слова матери: «Бегите из дома. Делайте что угодно. Только постарайтесь выжить. Что угодно. Что угодно. Выжить. Выжить. Выжить...»

Что-то дернуло Франческу прочь с такой силой, что Пиппа, сжимавшая ее руку, едва удержалась на ногах. Обернувшись, она увидела, что американец в белой ковбойской шляпе приставил к горлу ее лучшей подруги нож.

Белое, как простыня, лицо. Огромные, распахнутые ужасом серые глаза. Франческа Кавендиш — последний живой человек, знавших Пиппу Харгрейв...

И последнее ее слово перед тем, как полоснул по горлу нож. Сдавленным шепотом:

— Беги!

А затем — душераздирающий визг, быстро захлебнувшийся кровью. И бесконечные, безжалостные, ввинчивающиеся в уши крики, ругательства убийц, вопли умирающих. Звуки страха и смерти, гулко разносящиеся по просторным холлам особняка Мон-Клэр.

Неужели никто не остановит их? И эти бандиты, наводнившие особняк, словно муравьиные полчища, не уйдут, пока все и вся не обглодают до костей?

«Бежать! — думала Пиппа. — Бежать!» Быстрее, пока эти адские вопли не оглушили ее и не свели с ума! Повернувшись на каблуках, она бросилась в сторону топчанной, но далеко убежать не сумела: путь ей преградил еще один бандит в маске.

— Хватай мелкую! — приказал американец.

Пиппа метнулась в сторону, нырнула в узкий черный коридор. Он вывел ее в главный холл, облицованный мрамором.

Она бежала по залам, коридорам и переходам, натыкалась на двери, перепрыгивала и огибала тела людей, которых знала всю жизнь. Повсюду преследовали ее крики ужаса и боли. Слезы застилали зрение, и Пиппа была благодарна за это: соленый туман сглаживал страшные раны, изуродованные тела, искаженные болью лица близких.

Кто-то схватил ее за косичку и рванул с такой силой, что Пиппа едва удержалась на ногах.

Это был не американец — другой бандит, поменьше ростом, но с таким же огромным и страшным ножом. Ухмыльнувшись, он дернул Пиппу к себе и занес нож высоко над головой, целя ей в грудь.

Но в этот миг пронзительный крик ярости разорвал воздух. Из соседнего кабинета вылетел Деклан Чандлер и с размаху ударил убийцу кочергой по голове. Тот упал, словно подрубленное дерево, но Деклан не остановился: бил снова и снова, с безумной яростью, с черными

от гнева глазами — и лишь после пятого удара, когда голова убийцы превратилась в кровавое месиво, бросил кочергу и сжал Пиппу в объятиях.

Рыдания рвались из ее груди; но Деклан зажал ей рот рукой — и слезы, словно по волшебству, стихли. Горопливо Деклан повел, почти потащил Пиппу в библиотеку Мон-Клэров — двухэтажную сокровищницу, хранящую столько книг, что и не сосчитать.

Не успела она ни воспротивиться, ни даже спросить, что он делает, как Деклан подтолкнул ее к огромному камину, в котором свободно могло бы поселиться небольшое семейство.

— Тихо! — прошептал он, прижав палец к губам. — Если они нас услышат, убьют, поняла?

Она кивнула, и он отнял ладонь от ее губ. Взял за обе руки — и только сейчас с ужасом заметил россыпь кровавых капель и пятен у нее на руках и на белоснежных рукавах.

— Пип, ты ранена?

Она молча помотала головой, не в силах объяснить, что случилось.

— Тогда что это? — настойчиво спросил он. — Чья кровь?

Франчески.

— Не... не моя, — только и смогла вымолвить она.

Из соседнего холла донесся гулкий топот сапог по мраморному полу и грубые голоса. Убийцы шли по пятам.

— Сюда! — прошептал Деклан и втолкнул ее в каминную трубу, а сам полез следом.

Вдвоем, тесно прижавшись друг к другу, они втиснулись в широкий цилиндрический дымоход, полный сажи и копоти. На миг Пиппа испугалась, что выбраться отсюда уже не сможет. Каменные стены давили ей на плечи, на спину, шерстяные платье и чулки кололи тело.

Деклан обхватил ее ногами так, чтобы Пиппе было на что облокотиться, и обнял одной рукой, а другой оперся о стенку дымохода.

От усталости и пережитого ужаса у Пиппы горело в груди, боль разрывала легкие так, что девочка едва могла дышать. В полной темноте дымохода она ничего не видела. Оставалось полагаться лишь на осязание.

И на слух.

Возбужденные голоса снаружи сменились гневными: убийцы обнаружили в холле мертвое тело своего товарища. Пиппа слышала сердитые реплики вполголоса: слов разобрать не могла, но понимала, что сейчас в поисках врага бандиты обыскивают кабинет и библиотеку.

Вот они приблизились к камину. От страха у Пиппы подкосились ноги.

Словно ощутив ее слабость, Деклан привлек Пиппу к себе, положил ее голову себе на грудь. Он тоже дрожал всем телом: от страха или от напряжения, требовавшегося, чтобы удерживать на ногах ее и себя — этого Пиппа не знала.

Сердце его стучало отчаянным стаккато, изгоняя прочь все иные звуки. Вместе с Декланом Пиппа затаила дыхание.

И не слышала, не чувствовала больше ничего, кроме биения его сердца, в унисон со своим.

Быть может, она потеряла все; но Деклан остался с ней. Ее любимый. Спаситель. Она всегда знала, что он силен и благороден, словно сказочный герой!

А теперь узнают и все остальные.

Потому что он ее спасет.

Пиппа не знала, сколько прошло времени — минуты или часы. Но, когда убийцы двинулись дальше, и в библиотеке воцарилось тревожное молчание, Деклан приблизил губы к ее уху.